

Г. А. Николаев

**БОГАТСТВО И БОГАТЫЕ ЛЮДИ
В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СРЕДНЕВОЛЖСКОГО
ЧУВАШСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.***

Со страниц многочисленных научно-популярных, историко-этнографических и справочных изданий второй половины XIX – начала XX в. предстает весьма любопытный социально-психологический портрет чувашей Среднего Поволжья. Он достаточно емок, красочен и, что вполне ожидаемо, расплывчат. При этом одни авторы наделяют названный этнос весьма привлекательными чертами, а другие, создавая его собирательный облик, используют и темные краски. Но в социально-психологических портретах и первых, и вторых есть общие черты чуваша не предприимчивы. Последнее усматривалось главным образом в преимущественной ориентации на такое занятие, как хлебопашество, а также в инертности и осторожности¹.

В социокультурном пространстве Среднего Поволжья чуваша, образно выражаясь, занимали свою “нишу”, будучи крестьянским этносом. В 1897 г. среди чувашей Казанской и Симбирской губерний на 1000 человек населения приходилось 999,5 представителей этого сословия² – средства существования они добывали преимущественно работой на земле. В отличие от своих соседей, особенно русских и татар, чуваша гораздо реже были заняты в торговле и промышленности. Лишь единицы из них сумели достичь значительных успехов в коммерции³.

В эпоху модернизации (вторая половина XIX в.) чуваша вступили как крестьянский этнос. Это обстоятельство, разумеется, накладывало свой отпечаток на процесс проникновения в их среду рыночных отношений. Восприятие мира, нравственность, эстетика, социальная психология, поведенческие стереотипы у хлебопашцев специфичны⁴. Ценности мира капитала сталкивались с ценностями крестьянской культуры. В свете такого подхода несомненный интерес представляет вопрос о восприятии чувашским крестьянством второй половины XIX – начала XX в. мира предпринимательства. Вопрос этот сложен и многогранен. Для анализа в статье избраны следующие темы: крестьянское видение природы богатства, шкала жизненных ценностей хлебопашца и богатство, богатые люди и крестьянство.

Менталитет чувашского крестьянства отражен в его устном народном творчестве. Необходимую информацию несут практически все жанры фольклора: пословицы и поговорки, сказания и мифы, песни и заклинания и т.д. Немалую ценность для раскрытия социально-психологического стереотипа этноса, его мировосприятия, ценностных ориентаций и норм поведения представляют этнографические наблюдения современников. Указанный корпус источников, как отложившихся в архивах, так и опубликованных, и стал основой для решения поставленной исследовательской задачи. Его использование правомерно, ибо регистрация и сбор основной части привлеченного материала происходили в исторический промежуток времени, выбранный нами для изучения.

Чувашское традиционное молитвословие по случаю имянаречения новорожденного, записанное венгерским этнографом Дюлой Месарошем в начале XX в. в д. Средние Алгаши Симбирского у. одноименной губернии, гласит: “Да будет при здравии и благополучии, да будет пахарем, да проживет до седой старости, до потери памяти, да проживет до тех пор, покуда не начнет обувать лапти задом наперед. Старших да будет величать дядями, младших да будет величать родичами. Да будет опорой отцу и матери, да будет при здравии и благополучии, да вырастет большим, да будет продолжателем рода, да продлит род своими сыновьями и дочерьми, да не

* Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект 00-01-00008 а/В.

скончается наш род, да продлится из века в век. Мы состаримся и умрем, да дойдут до него наши благие пожелания, да будет с благополучием, с достатком, аминь”⁵. В небольшом тексте отразился духовный мир хлебопашцев, крестьянское понимание благополучия, которое включало в себя доброе здоровье, труд на земле, долголетие, традиционный уклад жизни, гармонию в семье, детей и достаток.

Что же значило для чувашского пахаря жить с достатком? Из фольклорного материала следует однозначный ответ на этот вопрос: быть с хлебом. Обращаясь к своим богам, крестьяне молились в первую очередь о хорошем урожае. Текст, зафиксированный в с. Альгешево Чебоксарского у. Казанской губ., в частности, содержит следующие просьбы: “С одного зернышка дай тысячу зерен, корни уроди с камышину, верхки уроди с горошину, способствуй благополучно взять в свои руки, спаси нас от ветров и ураганов, от огня и пламени, от градобития и ливней”⁶. Пахарь – дитя земли. Его достаток всецело зависит от рачительного хозяйствования на ней. Быть с хлебом – это значит безбедно содержать семью, иметь полный двор всякой живности, уютный дом и крепкие хозяйственные постройки, в срок и в полном объеме платить подати и нести повинности и т.д. Из всего изложенного следует лишь одно: в крестьянском понимании быть с хлебом – значит, жить сносно, зажиточно, богато.

Интересно уяснить, какой смысл вкладывали чувашские хлебопашцы в понятие “богатство”. В социально-экономическом плане данное явление в фольклоре объединяет две полярные составляющие. Первая: богатство – это условие, обеспечивающее воспроизводство традиционного уклада жизни хлебопашцев. В таком ракурсе крестьянами оно принималось и одобрялось. Наживать богатство (добро) для пахаря означает трудиться силами своей семьи от зари до темна: “Если хочешь жить богато, то нельзя валяться на печи”; “Без труда не нажить состояния”⁷. Но в представлениях чувашских крестьян богатство оставалось моральной категорией лишь до тех пор, пока оно зиждилось на трудовом начале: “Не зарься на чужое богатство, работай сам и разбогатеешь”; “Готовому богатству не завидуй, сам наживи”⁸.

Вторая составляющая понятия “богатство” в фольклоре – восприятие его как неприемлемого для праведной жизни социально-экономического явления, как общественное зло, поскольку оно наживается обманным путем, за счет присвоения результатов чужого труда, т.е. имеет в своей основе аморальные деяния: “Угнетающий других, находит богатство”; “Человек не может разбогатеть, не присвоив чужого добра”⁹.

В понятие “богатство”, крестьяне включали совокупность материальных ценностей: и собранный урожай, и всякую живность, и дом с надворными постройками, и многое другое¹⁰. Золото и серебро – также непеременные атрибуты богатства. Подтверждением тому служит следующее изречение: “Золото и серебро у богатого”¹¹.

Хлебопашцами признавалась сила богатства и денег в обществе: “Деньги рубят камень”¹². Но земледелец смотрел на мир через призму праведной жизни, в которой доминировали иные ценности: “Соха и борона не богачи, а кормят весь мир”; “Не человек создан для богатства, а богатство для человека”; “Человек не всегда живет богатством, но и умом”; “Доброе имя ценнее богатства”¹³. Исключительно дороги были для пахаря честь, достоинство, совесть и общественное мнение.

Для чувашей, как, впрочем, и для других этнических общностей региона, было характерно дуалистическое восприятие мира. Оно зиждилось на таких противоположных началах, как *Ырĕ* (Добро) и *Усал* (Зло). Сферы проявления первого и второго в совокупности представляли собой единое жизненное пространство, бытие: “Без зла нет и добра”¹⁴. При такой проекции богатство как составная часть действительности в крестьянском восприятии одновременно находилось и на половине Зла (материальные ценности, доходы и прочие жизненные блага, имеющие в своей основе нетрудовое начало), и на половине Добра (фактор-условие, обеспечивающий воспроизводство традиционного уклада жизни хлебопашцев). Данное условное тождество может быть упрощено до следующей формулы: несправедное богатство – праведное богатство.

Категория “неправедное богатство” в мировосприятии крестьянства всецело погружена в пространство Зла. Вот, к примеру, каким предстает главный персонаж в

легенде, записанной этнографом В.К. Магницким в д. Осинкино Чебоксарского у. Казанской губ. в 70-е годы XIX в.: “Виновником происхождения Киремети (в данном случае священная местность для молений. – Г.Н.) был богатый некрещеный чувашин, захвативший себе множество разных земельных угодий и тем до крайности стеснивший других. Когда выведенный из терпения мир (т.е. община) стал богачу на это жаловаться, то богач, чтобы удержать землю за собой, схитрил таким образом: на всех четырех углах своих владений вырыл по погребу, посадил в три из них по сыну, а в четвертый – работника и затем закрыл их так, чтобы посторонние не могли приметить присутствия их. После того, приведши народ (мир) на свои земельные владения, начал спрашивать землю, чья она? На это из-под земли явственно послышалось имя завладевшего землей богача. Мир богачу поверил...”¹⁵.

Во множестве фольклорных текстов мир богатства дан в двуединстве своих полярных составляющих. Констатация конкретной реальности таким способом – это, пожалуй, свидетельство применения шкалы “Добро–Зло” в повседневной жизни социума. Изречения гласят: “Загон богача вдоль реки, а загон бедняка вдоль дороги”; “Богатый одевается в шелка, бедный – в рубище”¹⁶.

На освещении социального контраста построена и часть чувашских народных песен. В них также подспудно присутствует моральная оценка реальных жизненных ситуаций. В 80-е годы XIX в. в Чебоксарском у., в частности, был записан следующий текст:

Богатые люди чем приметны? –	Пуян сынсем мёнтен паллă? –
Дома крыты тесом,	Ѕуртсем ҫине хăма витнĕ,
Жены одеты в фабричное сукно.	Арăмĕсем пуствавпа.
Бедные люди чем приметны? –	Начар сынсем мёнтен паллă? –
Дома крыты лубом,	Пурт таррине хуп витнĕ,
Жены одеты в домотканое сукно ¹⁷ .	Арăмĕсем кăвак сăхманпа

В фольклоре богатство, как правило, имеет соприкосновение с потусторонним миром. Это далеко не случайно. В чувашской космогонии все доброе и хорошее сотворено Турĕ (Богом), а все злое и плохое – дело рук *Шуйттана* (дьявола). Неправедное не может быть не связано с нечистой силой, переступанием через нравственное.

Как же можно было, согласно крестьянским суеверным представлениям, разбогатеть? Рецептов множество. Каждый из них оригинален по-своему. Вот свидетельство современника – слушателя Казанских миссионерских курсов Петра Васильева: «Человек может разбогатеть следующим образом: в ночь перед Рождеством нужно поймать абсолютно черную кошку и идти в земляную баню, бросить ее в чугунный горшок и кипятить; туда необходимо идти вдвоем. Варить кошку необходимо где-то около полуночи. В этот момент в баню придет нечисть самого разного рода и будет всячески пугать, но если не оборачиваться назад, она ничего не сделает. Кошку необходимо кипятить до тех пор, пока она не разварится. Как только это состояние будет достигнуто, один из участников должен вынуть одну кость из варева и спросить у другого: “Ты меня видишь?” Возможный ответ: “Вижу”. Так по порядку поступают со всеми костями разваренной кошки. У нее есть одна кость, взяв которую, спрашивающий непременно получит от своего партнера такой ответ: “Не вижу”. Если кость, делающую человека невидимым, положить в карман, можно где угодно хоть у кого вынести перед самым носом кучу денег или прочего добра и при этом тебя никто не заметит»¹⁸.

В легенде, записанной Дюлой Месарошем, путь к богатству также связан с противоборством с потусторонними силами. Вместе с тем в ней присутствует и этнический момент. “В ночь Иванова дня ровно в полночь распускается его (папоротника. – Г.Н.) блестящий, сверкающий цветок. Если кто его подстержет и сможет сорвать, то цветок папоротника поведет туда, где зарыто в земле сокровище, и сделает его обладателем несметного золота и серебра. Такому человеку спрятанное сокровище показывается в виде языков пламени. Однако очень трудно подстеречь и сорвать

этот цветок, потому что злой дух (усал), оборачиваясь кем-то, тоже подстерегает цветение папоротника и отнимает у человека сверкающий цветок. Обычно он принимает вид *русского начальника* (курсив наш. – Г.Н.), подходит к чувашу, спрашивает, что такое, что он тоже хочет видеть, как вспыхнет цветок и отнимает его у него. (А может ли бедный чуваш воспротивиться русскому начальнику?)¹⁹.

И еще один штрих к изложенному выше. В старину деньги хранили испытанным способом – закапывали в землю. Богатые чуваша таким образом защищали свое добро от лихих людей и воров. Хранение клада поручалось злему духу. Устное народное творчество донесло до наших дней слова обращения к “сторожу”, произносимые “вкладчиком” в ходе данной процедуры:

Шойтан, встань на караул,
Стереги деньги,
Другим не давай,
Только мне отдавай²⁰.

В представлении хлебопашцев, лицо, оставившее в погоне за богатством поле праведной жизни, неизбежно вставало на путь саморазрушения, гибели. Такой человек, согласно воззрениям чувашей, убивал в себе нравственное начало, ибо “чтобы разбогатеть, нужно продать душу черту”²¹. И глубоко символично, что в легендах алчности почти всегда наказуема. В записанной В.К. Магницким легенде, частично процитированной нами выше, присвоивший обманным путем мирские земли богач за свои деяния расплачивается жизнью трех сыновей и одного работника: они “померли, в наказание отцовской жадности”²². Наказание могло иметь самые изощренные формы. Так, за уступленное сокровище злой дух мог превратить людей во что угодно: в сурков, сани, телегу, вожжи и т.д. Наказание могло последовать как при жизни, так и после ухода в мир иной. Этнографом Н.В. Никольским, в частности, зафиксировано такое повествование: “Рассказывают, что в деревне Асламасове Ядринского уезда умер богач. В полночь приехали к нему неизвестные люди. Это был черт со свитой, причем лошадью ему служила превращенная душа кладоискателя”²³. В стремлении оградить членов общества от мира Зла, пожалуй, смысл следующих пословиц: “Кто шел, чтобы разбогатеть, умер”; “И через золото льются слезы”²⁴.

Богатство и судьба. Эти две категории в мировосприятии крестьян также находились в единой связке. Хлебопашец искренне верил, что все в земной жизни предопределено свыше. Считалось, что Бог каждому человеку наносит на лобную кость тайнописью его судьбу. Он же помечает всех и особыми метками – *тур палли* (божий знак). Если родинки выше пояса, человека в жизни ждет счастливая судьба, если ниже пояса – несчастливая²⁵. Существовали и иные косвенные приметы, отражающие будущее. Если ребенок входил в белый свет ногами вперед, то его ждало счастливое будущее: ему предназначено впоследствии стать *коштаном* (посредником между сельским обществом и местной администрацией, общинным предводителем. – Г.Н.) и богачом²⁶.

В воле божьей – кому быть богачом, а кому бедняком. Кому предопределено свыше – богатство придет само. Оно может явиться человеку в облике теленка, белой собаки, кошки или птицы и следовать за ним по дороге. Достаточно дотронуться до животных, произнося слово-заклинание, на этом месте мгновенно “посыпятся и покатыются звонкие золотые и серебряные монеты”²⁷. Закопанные в землю деньги перед божьим избранником могут предстать в виде кучи навоза. Хлестни кнутом – она вмиг превратится в деньги. А может случиться и по-иному: клад может явиться чувашу в виде русской женщины. Хлестни ее кнутом – она на глазах рассыплется в золото и серебро²⁸. Согласно поверьям, сокровище могло дать о себе знать счастливицу, представ перед ним в виде языков пламени, вырывающихся из-под земли: раскопай это место и владей им²⁹. Текст одной из легенд с подобным сюжетом выше нами уже частично процитирован.

При взгляде на бытие через призму судьбы процесс обогащения непременно должен иметь такой необходимый элемент, как клад или сокровище. Сюжет о подобном “первотолчке” действительно широко представлен в поверьях чувашей. В чувашском фольклоре фигурируют также реальные люди, добившиеся успехов на ниве коммерции в XIX – начале XX в. Наиболее часто в нем, пожалуй, упоминается

родоначальник династии крупных чувашских предпринимателей, крестьянин д. Шинерпоси Чебоксарского у. Казанской губ. Ефрем Ефимов (1795–1862), о “чудесном” обогащении которого сложена не одна легенда³⁰.

Вера в божье предназначение – стержневая составляющая крестьянского мировосприятия. Только такая среда могла породить пригодную на все случаи жизни поговорку: “Знай свое счастье и поезжай в Москву”³¹. И в несклонности соплеменников к предпринимательству чувашские крестьяне склонны были видеть печаль судьбы: “Когда впервые появились деньги, чувашки отправились с мешочками, русские – с мешками, а татары – с подводами”³². Знарок “чувашской природы” Н.В. Никольский в “верованиях в фатальное богатство” видел даже психологический порок этноса, тормозивший его поступательное развитие. Для преодоления названной “болезни” он считал полезным распространение “здоровых сельскохозяйственных сведений”, уничтожение “обыкновения справлять дорогостоящие попойки”, ознакомление хлебопашцев через школы, а также на практике – “в огороде, саду, в поле” – с “улучшенными способами сельского хозяйства”. Одновременно подобное “лечение”, по его мнению, имело бы и побочный оздоровительный эффект: “подъем благосостояния крестьян”³³.

Где же место клада-сокровища в пространстве “Добро–Зло”? Оно на стыке двух названных начал: клад и сокровище от Бога, но на их страже дьявол. Согласно народным поверьям, как это ни покажется неожиданным, хлебопашец мог быть владельцем нетрудового богатства, оставаясь при этом в пространстве Добра. Неожиданное свечение ночного неба чувашами принималось за *кăвак хунпи усăлни* (раскрытие небесных врат). Считалось, что если в этот миг высказать Богу желание-просьбу, оно непременно будет исполнено. Сокровища и деньги могли прийти в дом каждого вместе с *куйкăрăш*, фантастическим существом, выполнявшим в хозяйстве роли слуги и работника³⁴.

Из поверий явствует, что возможность обогащения чудесным способом для индивида была чисто гипотетической: раскрытие небесных врат происходит столь молниеносно и случается столь неожиданно, что видящий это не успевает что-либо предпринять. Те же, кому это удастся, оказываются в нелепом положении. Согласно легенде, пожелав иметь стадо коней, пахарь закричал: “Пусть у меня будет много узд!”. Бог желание исполнил: счастливцев стал... пастухом. Узд много, но своего коня нет. Имея аналогичное желание, другой персонаж крикнул: “Дай хомут!”. Сколько впоследствии крестьянин ни покупал лошадей, всегда оставался с хомутом: скотина погибала³⁵.

Такая же ситуация наблюдалась и в поверьях о куйкараш. Появлению фантастического существа в доме обязательно предшествовало весьма важное событие: на седьмом году жизни петух (?!) сносил яйцо. Вылупившийся из него куйкăрăш должен был быть выношен его хозяевами под мышкой. Появившийся куйкăрăш, хотя и приносил в дом деньги и сокровище, но доставлял много беспокойства, ежеминутно требуя все новую и новую работу. Не выдержав столь изощренной пытки, хозяева вынуждены были дать ему невыполнимое задание: сделать черные онучи белыми. Будучи не в состоянии справиться с ним, куйкăрăш “от стыда” покинул своих подопечных, унося заодно “все имущество и деньги, которые наносил”³⁶.

Тема “богатство–земля”, пожалуй, также может быть признан обязательной составляющей рассматриваемой темы. В системе ценностей хлебопашцев земля всегда занимала особое место. Не составляло исключения в этом отношении и традиционное чувашское общество. В старинных верованиях земля предстает источником жизни, источником всего растущего и живущего. Ей приписывалось женское начало. В древнем обряде *ёр варлани* (кража земли) она предстает невестой. В пореформенное время кое-где еще сохранялся стародавний многодневный праздник *ёинёе* (*синьзе*), отмечавшийся в период цветения ржи, когда, по народным представлениям, мать-земля, беременная зреющим урожаем, требовала тишины и покоя³⁷. Одно из изречений гласит: “Нас кормит земля своей грудью”³⁸. Издревле земля считалась предметом особого почитания чувашей: ее духам поклонялись и делались жертвоприношения. Причем и во второй половине XIX – начале XX в. многие архаичные традиции еще составляли неотъемлемый элемент их крестьянского бытия. Косвен-

ное свидетельство тому и конфессионимы “двоеверы”, “полуязычники” и “полумусульмане”, весьма часто применяемые православными миссионерами для характеристики чувашей в религиозно-нравственном плане³⁹.

Земля для чувашского пахаря – всеобщее достояние, божий дар – как вода и воздух. Частная собственность на землю не вписывалась в его мировосприятие. Землю должен владеть тот, кто ее обрабатывает и проливает на ней пот. Она не должна являться источником получения нетрудовых доходов, неравенства: “Отнимать явным и тайным способом от рабочего человека пользы его труда и его дохода – в пользу праздных землевладельцев – это страшная несправедливость”⁴⁰.

Дух уравнительности и коллективизма – главный психологический скреп чувашского крестьянства, его “родимое пятно”. В дореформенную эпоху выделившиеся в ходе освоения свободных земельных пространств выселки даже спустя продолжительное время не рвали связь с материнским селением. Общей земельной дачей (официальное название земельного надела. – *Ред.*) сложной общины все входившие в нее сельские общества пользовались сообща. В Казанской губ. чувашские крестьяне по доле таких социальных образований на порядок опережали русских и татарских хлебопашцев⁴¹. На фоне других этнических групп региона чувашки отличались и более щадящими общинными порядками. По наблюдениям земских служащих, распределение участков при переделах ими производилось “без всякого принуждения, без всякого явления случайности, а путем совершенно добровольного и поэтому наиболее полного и желательного соглашения”⁴².

С отменой крепостного права чувашская деревня оказалась в совершенно ином правовом, экономическом и культурном положении. С ростом сельского населения быстро прогрессировало крестьянское малоземелье. Жалобы на то, что надел уже не кормит, стали массовыми. Не спасали и внеземледельческие занятия. Для основной части хлебопашцев надежда на сытую и богатую жизнь с каждым годом становилась все более и более призрачной. Картина, которая предстает из этнографических записок уроженца Тетюшского у. Казанской губ., была типичной для эпохи капитализации: “У нас в д. Изамбаево есть холодный кузнец: он чинит ведра, самовары, кроет крыши и вообще работы бывает масса, так что в день зарабатывает от 50 к[оп]. [до] 2 руб. К тому же засекает порядочно хлеба. Семья трезвая и, можно сказать, скупая, но, несмотря на всю доходность, она в таком же состоянии, в каком была десять лет тому назад”⁴³.

В условиях новых реалий, распространяя принцип хозяйствования на основе трудового начала за пределы общины, чувашский пахарь тем самым встал на путь ревизии существовавшего экономического порядка. Например, в приговоре сельского схода крестьян д. Кошки-Теняково Буинского у. Симбирской губ. от 22 ноября 1905 г., выдвигалось, в частности, требование “отобрать в государственную собственность все частновладельческие, казенные, удельные, кабинетские, монастырские и другие земли и отдать их в уравнительное пользование всем тем, кто будет обрабатывать землю своими собственными силами”⁴⁴.

Устное народное творчество благосклонно к лицам, нажившим свое добро праведным путем – своим трудом, что нашло отражение в емком изречении: “Кто стал богатым из бедных, тот стал равным с богом”⁴⁵. Крестьянин, сумевший на собственном горбу вытащить из нищеты семью, пользовался большим уважением односельчан, с ним считались, его голос в мирской сходке был весомым. Например, в с. Альшеево Буинского у. Симбирской губ. таким был некто Афанасий Тимофеевич – исправный, состоятельный домохозяин и устроитель общественных дел в одном лице⁴⁶.

Люди, “продавшие душу черту”, в зеркале крестьянского мировосприятия предстают в совершенно ином, неприглядном облике. Их собирательный социально-психологический портрет соткан из порочных черт: “Не разбогатеет человек, если не ворует”; “Чем просить у богатого, велено просить у доброго человека”; “У богатого глаза завидующие” и др. В видении хлебопашцев, богачи – это люди с огромными возможностями, имеющие тесную связь с властью: “У богатого и петух яйца носит”; “У богатого и кошка рыбу ловит”; “У богатого растет рожь даже на челе печки”. Им

многое позволено: “Богатый что ни скажет, все ему идет”. Встать на их пути, перечить им означает навлечь на себя большие неприятности: “Богатого человека и мор не берет”; “С богатым не тягайся, с сильным не борись”. Их помощь – медвежья услуга, иметь с ними дело – нести в итоге большие издержки: “Когда богатый варит пиво, у бедняка изнашиваются лапти”; “У богатого хлеб горек”⁴⁷.

Но стена психологического отчуждения в чувашской деревне возводилась и противной стороной. В представлениях богатых крестьян собирательный образ их бедных собратьев столь же непривлекателен. “По рассказам стариков, – сообщает автор этнографических записок, чувашский крестьянин д. Яргунькино Ядринского у. Казанской губ. Степан Филимонов, – в старину у каждого пахаря был свой полевой бог. Говорят, у богатого он был трудягой, а у бедного – большим лентяем. Пока бог бедняка лежал на боку и играл на волынке, бог богача пересаживал всходы зерновых с его загона на участок своего подопечного. Ленивый бог заработал лишь после того, как получил в жертву коня”⁴⁸. А вот свидетельство, зафиксированное слушателем миссионерских курсов В. Афанасьевым в начале XX в.: «Богачи-чуваша к нуждающимся относятся весьма презрительно. Богач считает бедняка всегда лентяем, и бедность его считает исключительно результатом его лености, нежелания работать ничего. При разговорах богач не дает бедняку “слово молвить”, срезывает его с первого слова, назвав его “нищим” или “пастухом”. Вообще, отношение богача-чувашина к бедняку такое же, какое отношение начальника к подначальному, и бедняк действительно чувствует его власть над собой»⁴⁹.

Вместе с тем какие бы психологические барьеры ни разделяли полярные социальные группы деревни, они, будучи погружены в лоно общины с ее круговой порукой, единым экономическим, правовым и культурным пространством, объективно были обречены на тесные сношения. К слову сказать, на фоне других этнических общностей Среднего Поволжья внутриобщинный климат у чувашей, менее подверженных социальному расслоению, иные современники и вовсе склонны были находить идиллическим – у них “никогда богатый не кичится над бедным”⁵⁰. В повседневной жизни прагматическое начало обычно брало верх. Экономический интерес для сельской верхушки, несомненно, являлся доминирующим, но отнюдь не единственным и абсолютным. Она (социальная верхушка) предпринимала шаги навстречу общине, заботилась о собственном общественном лице. От складывавшегося имиджа напрямую зависел общественный вес богатых людей (весомость их голосов на мирских сходках, влияние в общине).

В свою очередь малосостоятельная страта деревни желала и добивалась благосклонности состоятельных лиц: судьба хозяйства – или оно останется “на плаву”, или рухнет в бездну нищеты – порой определялась успехом или неуспехом в сфере межличностных отношений. Эта сторона жизни села описана одним из современников: «Бедняку часто приходится обращаться к богачу с просьбой: часто приходится занимать ему у богача денег или хлеба. В этих случаях бедняк с целью привлечения к себе внимания богача заранее старается чем-нибудь задобрить его. Приходит он к богачу и никакого повода не дает, что он явился с целью займа; держит он себя приниженно перед богачом, говорить старается очень ласково и вообще всеми мерами старается понравиться богачу; видя благорасположение богача, бедняк вытаскивает из кармана бутылку водки, просит рюмку и закуску – и затем начинает усердно угощать хозяина; за выпивкой, конечно, и беседа оживляется. Затем бедняк, видя, что богач порядком охмелел и набрался доброты, приступает к своей главной цели, которая в таких случаях почти всегда достигается (курсив мой. – Г.Н.), т.е. он получает от богача желаемую сумму денег. Относительно такого обращения и выманивания у чувашей существуют следующие пословицы: “Несмазанная телега (колесо) едет со скрипом”; “Сухая ложка рот дерет”; “Ворота богача отворяются со скрипом”»⁵¹.

Богач, принявший угощение бедняка, но отказавший ему в займе, впоследствии обычно жалел о своем “проступке”. Подобное “коварство” община не прощала. За таким лицом намертво закреплялась слава первого скряги, его авторитет в общест-

ве падал, а сам он надолго становился объектом мирских пересудов. А случалось, что дело доходило и до публичных оскорблений в адрес прижимистого общинника⁵².

В пореформенное время практиковалась, причем не как единичное явление, выдача беспроцентных ссуд. Община при всем своем несовершенстве являлась своего рода страховым полисом от жизненных неурядиц. К трезвым и рачительным домохозяевам в трудное время она всегда поворачивалась лицом. Формы “опеки” могли быть самыми разными – помочь, выдел строевого леса из мирских дач, предоставление лошади на время выполнения той или иной работы, перенос очередности несения повинности и т.д. Такие меры помогали “подняться” пошатнувшемуся хозяйству. При этом опосредованно выигрывал и весь крестьянский “мир”. При круговой поручке недоимки и повинности разорившихся дворов ложились дополнительным бременем на остальных общинников. Предоставление займов нуждавшимся ложилась на плечи высшей социальной страты деревни. Чистоган, таким образом, не всегда являлся непременным атрибутом кредитных отношений.

Этнографические записки и очерки современников позволяют проецировать подобные формы социального сотрудничества на административную карту региона. Согласно свидетельству тонкого знатока быта чувашей Г.Т. Тимофеева, на рубеже XIX–XX столетий в Буинском у. Симбирской губ., “участливое отношение” богатых к бедным, выражавшееся прежде всего в одалживании им хлеба, было характерно для округа в составе девяти чувашских бывших удельных деревень – Альшеево, Таковары, Раково, Кищак, Пимурзино, Бюрганы, Кошки-Теняково, Новые Мертли и Чувашский Соракамыш⁵³. И, конечно же, подобные “островки благополучия” встречались не только в среде чувашских хлебопашцев. Сходные порядки, к примеру, зарегистрированы современниками и в русской крестьянской общине: “Занять денег под проценты? Но и проценты для бедняка дело нелегкое, ему каждая копейка дорога. Казалось бы ему неизбежно выбирать последнее, меньшее из зол, платить проценты; но в это время являются им на помощь некоторые богатые мужики села Кременок (Симбирский у. Симбирской губ. – Г.Н.): они платят за бедняков подати и не берут с них никаких процентов. Сборщик податей, если видит, что некоторые крестьяне не могут в скором времени уплатить податей, обращается к тем мужикам, которые часто вкладывают за бедняков, они уже известны в селе: они ему дают недостающую сумму, а он впоследствии собирает с недоимщиков и возвращает тем, у кого взял. Те, у которых нет денег на подати, предварительно иногда сами ходят к богатым мужикам и просят их, чтобы они выложили за них подати. В благодарность за выручку, этих мужиков иногда обходят подводными повинностями. Конечно, для целого селения обойти раз в год подводной повинностью двора два или три незаметно или почти незаметно, а для бедняков выручка вовремя много значит. Таким образом, в выручке бедняков принимает участие как бы все селение”⁵⁴.

С отменой крепостного права менталитет чувашского крестьянства медленно, но неуклонно менялся. В повседневной жизни деревни укоренялся иной поведенческий стереотип: общественному мнению общинник стал предпочитать личную выгоду, и доля беспроцентных ссуд в общем числе кредитных операций в пореформенное время неуклонно падала. Сельский обыватель из года в год становился более прижимистым. В частности, помочам – из-за дороговизны их – он все чаще предпочитал наем работников. При торговых операциях иные хлебопашцы не считали зорным умышленно засорять хлеб. Росло число лиц, покидавших пределы сельского общества в поисках лучшей доли⁵⁵. Перечень подобных моментов может быть продолжен. Вместе с тем во второй половине XIX – начале XX в. новый менталитет далеко еще не определял лица чувашской деревни. Хотя в местах, расположенных вблизи городов и железных дорог, поведенческий стереотип крестьян был ориентирован на предприимчивость – выезд на заработки, вывоз произведенной сельскохозяйственной продукции на рынок, изготовление пользовавшихся спросом ремесленных изделий и т.д., в большинстве своем крестьян отличали прежде всего “мешковатость” в “обычных занятиях” и “во всех их делах”⁵⁶.

Подведем итоги изложенному. Чувашское крестьянство создало свою систему социально-утопических представлений о праведной жизни. Она зиждилась преимуще-

ственно на традиционных языческих воззрениях: во второй половине XIX – начале XX в. с христианским вероучением внутренний мир хлебопашца связывало сравнительно немногое. Как социально-экономическое явление богатство в шкале жизненных ценностей общинника занимало важное, но вместе с тем далеко не определяющее место. Согласно возвращенному в течение столетий нравственному идеалу, оно непременно должно было быть нажито собственным трудом; иной путь к нему считался аморальным. К богатству, если это будет угодно Всевышнему, придет всякий, кто ходит за плугом и растит хлеб. Социально-психологический портрет лиц, разбогатевших не угодным Богу способом, в зеркале крестьянского мировосприятия вызывающе отталкивающий: люди, “продавшие душу черту”.

Чувашское общество жило в своем относительно замкнутом мире, в своем социокультурном пространстве. В представлениях чувашей-хлебопашцев жизнь по совести и правде обязательно включала право уравнительного пользования каждого дворохозяйства совместным достоянием общины. Отношения между социальными стратами в последней строились на основе не только экономики, но и этики, морали, сложившихся традиций и прагматизма. На фоне других этнических общностей Среднего Поволжья чувашские богатые крестьяне в экономическом плане были менее “продвинуты” и, как следствие, были более тесно инкорпорированы в общину.

И последнее замечание. Природа непримчивости чувашей имела не только историческую, но и глубокую психологическую основу. В эпоху модернизации менталитет крестьянства, хотя и переживал трансформацию, но далеко не в той мере, чтобы в корне порвать с традиционными воззрениями. По своему мировосприятию чувашские хлебопашцы, таким образом, являли собой неблагоприятное поле для капиталистической нивы.

Примечания

¹ См.: Спутник по Волге в 3-х частях с картой Волги: Историко-статистический очерк и справочный указатель / Сост. С. Монастырский. Казань, 1884. С. 89; *Майнов В.Н.* Инородцы Среднего Поволжья // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном и бытовом значении. Среднее Поволжье и Приуральский край. Т. 8. Ч. 1. СПб.; М., 1901. С. 114, и др.

² Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 14. Казанская губерния. СПб., 1903. С. 258–259; Т. 39. Симбирская губерния. СПб., 1904. С. 162–163.

³ См.: *Орлов В.В.* Деловая элита Чувашии в конце XIX – начале XX в. // Предпринимательство Поволжья: истоки, традиции, проблемы и тенденции развития: Матер. науч. конф. Чебоксары, 23–24 июня 1997 г. Чебоксары, 1997. С. 188–211.

⁴ *Данилова Л.В., Данилов В.П.* Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): Матер. междунар. конф. Москва, 14–15 июня 1994 г. М., 1996. С. 22.

⁵ *Месарош Д.* Памятники старой чувашской веры / Пер. с венг. Чебоксары, 2000. С. 313. Редакция перевода наша.

⁶ Там же. С. 112–113.

⁷ Чувашские пословицы, поговорки и загадки / Сост. Н.Р. Романов. Чебоксары, 1960. С. 74–75 (на чуваш. и рус. яз.).

⁸ *Ашмарин Н.И.* Сборник чувашских пословиц. Чебоксары, 1925. С. 17, 41 (на чуваш. и рус. яз.).

⁹ Чувашские пословицы, поговорки и загадки. С. 22.

¹⁰ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее – НА ЧГИГН). Отд. I. Д. 159. Инв. № 4717. Л. 207. 1905 г. Здесь и далее перевод текста с чувашского на русский язык наш.

¹¹ *Никольский Н.В.* Чувашские пословицы на чувашском, русском и французском языках. Рукопись // НА ЧГИГН. Отд. III. Д. 53. Инв. № 437. Л. 512.

¹² *Ашмарин Н.И.* Указ. соч. С. 11.

¹³ Там же. С. 39–40; *Никольский Н.В.* Указ. соч. Л. 212, 309, 353, 359.

¹⁴ *Никольский Н.В.* Указ. соч. Л. 434.

¹⁵ *Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881. С. 4.

¹⁶ НА ЧГИГН. Отд. III. Д. 53. Инв. № 437. Л. 268, 270.

¹⁷ Чувашское устное народное творчество. Песни. Чебоксары, 1978. С. 81, 457 (на чуваш. яз.).

¹⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 176. Инв. № 5047. Л. 86–87. 1909 г.

¹⁹ *Месарош Д.* Указ. соч. С. 99.

²⁰ Там же. С. 63–64.

- ²¹ *Никольский Н.В.* Краткий конспект по этнографии чуваш // Изв. Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (далее – ИОАИЭ). Т. XXVI. Вып. 6. 1911. С. 551.
- ²² *Магницкий В.К.* Указ. соч. С. 4–5.
- ²³ *Никольский Н.В.* Краткий конспект... С. 551.
- ²⁴ Чувашское устное народное творчество. Мифы и предания. Т. 6. Ч. 2. Чебоксары, 1987. С. 60 (на чуваш. яз.); *Ашмарин Н.И.* Указ. соч. С. 9.
- ²⁵ *Месарош Д.* Указ. соч. С. 23.
- ²⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 196. Инв. № 5566. Л. 297. 1899 г.
- ²⁷ *Месарош Д.* Указ. соч. С. 65.
- ²⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 176. Инв. № 5047. Л. 88. 1909 г.
- ²⁹ *Месарош Д.* Указ. соч. С. 65.
- ³⁰ См.: *Студенецкий А.* Клад. Роман-хроника. Чебоксары, 2001. С. 28.
- ³¹ *Ашмарин Н.И.* Указ. соч. С. 46.
- ³² *Никольский Н.В.* Чувашские пословицы на чувашском... Л. 419.
- ³³ *Никольский Н.В.* Краткий конспект... С. 550.
- ³⁴ См.: *Месарош Д.* Указ. соч. С. 50–51, 76–77.
- ³⁵ Там же. С. 77; Чувашское устное народное творчество. Мифы и предания. С. 49–50.
- ³⁶ *Месарош Д.* Указ. соч. С. 50–51.
- ³⁷ *Иванов А.* Чувашский праздник “Синьзя” и полевое моление о дожде и урожае “Учук” // ИОАИЭ. Т. XIV. Вып. 2. 1897. С. 147.
- ³⁸ *Месарош Д.* Указ. соч. С. 55.
- ³⁹ См.: О современном состоянии чуваш в религиозно-нравственном отношении // Симбирские епархиальные ведомости. 1911. № 10. С. 351–352; *Иванов А.* Из истории христианского просвещения чуваш Самарской епархии во второй половине XIX столетия // Православный благовестник. 1902. № 20. С. 170.
- ⁴⁰ Приговор крестьян деревень Воскресенской волости Чебоксарского уезда Казанской губернии. 27 ноября 1905 г. // Революционное движение в Чувашии в период первой русской революции 1905–1907 гг.: Док. и матер. Чебоксары, 1956. С. 120.
- ⁴¹ Крестьянское землевладение Казанской губернии. Свод по губернии. Казань, 1909. С. 38.
- ⁴² Общий свод данных хозяйственно-статистического исследования Казанской губернии. Часть экономическая. Казань, 1896. С. 366.
- ⁴³ Тетрадь для этнографических записок Арсения Петрова // НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 208. Инв. № 5700. Л. 289. 1910 г.
- ⁴⁴ Революционное движение в Чувашии... С. 115.
- ⁴⁵ НА ЧГИГН. Отд. III. Д. 53. Инв. № 437. Л. 340.
- ⁴⁶ *Тимофеев Г.Т.* Тхръял. Этнографические очерки и фольклорные материалы / Сост. А.В. Васильев. Чебоксары, 1972. С. 89–90 (на чуваш. яз.).
- ⁴⁷ НА ЧГИГН. Отд. III. Д. 53. Инв. № 437. Л. 71, 226, 229, 268, 270, 271; *Ашмарин Н.И.* Указ. соч. С. 29, 32.
- ⁴⁸ Письмо названия не имеет и не датировано. Предположительно написано в первом десятилетии XX в. Его автор – житель д. Яргунькино Ядринского у. Казанской губ. Письмо написано в ответ на запрос Н.В. Никольского // НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 151. Инв. № 4591. Л. 108.
- ⁴⁹ Там же. Д. 158. Инв. № 4703. Л. 161.
- ⁵⁰ *Майнов В.Н.* Указ. соч. С. 103, 110.
- ⁵¹ Записки по этнографии. Автор – слушатель Казанских миссионерских курсов В. Афанасьев. 5 декабря 1904 г. // НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 158. Инв. № 4703. Л. 162.
- ⁵² Там же. Л. 149.
- ⁵³ *Тимофеев Г.Т.* Указ. соч. С. 146.
- ⁵⁴ Село Кременки Симбирского уезда // Симбирская земская газета. 1878. 24 сент.
- ⁵⁵ См.: НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 215. Инв. № 5659. Л. 271. 1911 г.; Д. 181. Инв. № 5174. Л. 39. 1910 г.; Д. 277. Инв. № 6025. Л. 35–36. 1907–1912 гг. и др.
- ⁵⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 637. Инв. № 9707. Л. 145.

G.A. Nikolaev. Wealth and Wealthy People in the Imagination of Chuvash Peasants of the Middle Volga Region in the Second Half of the Nineteenth and Early Twentieth Centuries

The author analyzes the attitudes of Chuvash peasants toward wealth and wealthy people in the context of ethnic stereotypes, traditional values, and general cultural attitudes of the peasants in the period. He traces changes in the perception of material well-being among the Chuvash over the course of two centuries, and argues that labor steadily remained the main criterion in its assessment. The essay draws on rare folklore sources.